

взглядъ на развитіе человѣчества вообще. Сверхъ того, голось Джонса былъ едва слышенъ среди общаго энтузіазма, который вызвала въ экономическомъ мірѣ система Рикардо; Лесли же писалъ позднѣе, въ то время, когда уже наступило разочарованіе и когда общественное мнѣніе въ Англіи стало высказываться противъ экономистовъ „априорнаго метода“.

Контъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ говоритъ о „преодолящемъ пристрастіи“ къ политической экономіи, которое обнаружилось повсемѣстно во всей Западной Европѣ. Этотъ періодъ особаго увлеченія политической экономіей имѣлъ мѣсто въ Англіи съ третьяго по пятое десятилѣтіе настоящаго вѣка. „До 1818 года, сказалъ одинъ писатель въ „Westminster Review“, о политической экономіи мало кто зналъ, или, по крайней мѣрѣ, наука эта служила предметомъ обсуждения лишь среди тѣснаго кружка философовъ, а законодательство, которое далеко не согласовалось съ принципами этой науки, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отдалялось отъ нихъ.“ Милль показалъ намъ, какая перемѣна произошла не много лѣтъ спустя. „Политическая экономія, говоритъ онъ, съ большою силой потребовала себѣ право завѣдывать общественными дѣлами, и это требованіе выразилось въ подачѣ петиціи Лондонскихъ купцовъ объ осуществленіи свободной торговли и въ тѣхъ благородныхъ стараніяхъ Рикардо, которыя онъ обнаружилъ во время своей непродолжительной парламентской дѣятельности *).“ „Труды Рикардо, поводомъ къ появленію которыхъ послужилъ споръ объ Отчетѣ Комитета о слиткахъ, а также вызванные ими комментаріи и изслѣдованія моего отца (Джемса Милля) и Макъ-Коллоха (труды этого писателя, помѣщавшіеся въ этотъ промежутокъ времени въ

*) Петиція эта была написана Тукомъ и представлена Александромъ Берингомъ (впоследствии Lord Ashburton). Свѣдѣнія о петиціи можно найти у М.-Culloch'a (Litterature of Political Economy, p. 57) и у Senior'a (Lectures on the transmission of the precious Metals, 2 изд., стр. 78). Также см. Англ. своб. торговля, вын. I, стр. 224.

„Эдинбургскомъ Обзорѣніи“, были особенно цѣнны) привлекли всеобщее вниманіе къ наукѣ, и воззрѣнія Рикардо начали пріобрѣтать приверженцевъ даже въ самомъ министерствѣ; Гускиссонъ, поддерживаемый Каннигомъ, положилъ начало постепенному уничтоженію протекціонной системы; а одинъ изъ ихъ товарищей завершилъ это дѣло въ 1846 году, хотя послѣдніе слѣды этой системы были уничтожены уже Гладстономъ въ 1860 году“. Хотя наука (политическая экономія) и стала привлекать къ себѣ вниманіе видныхъ умовъ, тѣмъ не менѣе всѣ сознавали, что она не имѣетъ еще установившихся принциповъ. Разнообразіе въ мнѣніяхъ среди занимающихся этой наукой было предметомъ постоянныхъ жалобъ. У всѣхъ была, однако, твердая увѣренность, что разногласіе скоро исчезнетъ; такъ, полковникъ Торренсъ предсказывалъ, что „лѣтъ черезъ 20 врядъ ли будетъ существовать какое-нибудь сомнѣніе относительно наиболѣе основныхъ принциповъ науки“. „Благосостояніе“, говоритъ Сиджвикъ, „которымъ стала пользоваться Англія послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, дало практическимъ людямъ необыкновенно въское и убѣдительное доказательство, какъ велика та сила абстрактнаго мышленія, посредствомъ котораго была доказана цѣлесообразность свободной торговли“, и когда поэтому въ 1848 году талантливый писатель и мастеръ въ изложеніи мыслей издалъ прекрасное обзорѣніе главныхъ результатовъ полемики предшествовавшихъ поколѣній съ должнымъ „изъясненіемъ и оцѣнкой господствовавшихъ въ его время мнѣній“, тогда всѣ убѣдились въ томъ, что политическая экономія „вышла уже изъ періода однихъ полемическихъ разсужденій, по крайней мѣрѣ во всѣхъ главныхъ своихъ ученіяхъ, и что зданіе науки воздвигнуто на прочныхъ основахъ“.

Этимъ писателемъ былъ Джонъ Стюартъ Милль (D. S. Mill, 1806—73). Изъ всѣхъ мыслителей послѣ Рикардо онъ оказалъ наибольшее вліяніе въ Англіи на разработку экономическихъ ученій. Его систематическое изслѣдованіе и цѣлый рядъ другихъ

руководствъ, составленныхъ по этому образцу (въ особенности учебникъ Фоссета), были тѣмъ источникомъ, изъ котораго большинство нашихъ современниковъ почерпало все свои свѣдѣнія о наукѣ политической экономіи. Но имѣются, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, другія и болѣе глубокія основанія, вслѣдствіе которыхъ Д. С. Милль пріобрѣтаетъ особый интересъ и значеніе какъ въ политической экономіи, такъ и въ другихъ областяхъ знанія.

Въ 1844 году онъ издалъ пять „Опытовъ по нѣкоторымъ нерѣшеннымъ вопросамъ политической экономіи“ (Essays on some Unsettled Questions of Political Economy); они были написаны гораздо ранѣе, именно въ 1829 и 1830 годахъ, но всѣ, за исключеніемъ пятаго, оставались до 1844 г. лишь въ рукописи. Въ этихъ опытахъ содержится все то новое, что Милль далъ для теоріи науки. Въ первомъ изъ нихъ онъ подвергаетъ обсужденію законы международнаго обмѣна. Онъ утверждаетъ, что цѣны товаровъ, которыми обмѣниваются двѣ страны, не зависятъ (какъ доказалъ еще Рикардо) отъ издержекъ производства, но дѣйствіемъ взаимнаго спроса устанавливаются на такой высотѣ, при которой количество ввезенныхъ какою-нибудь изъ этихъ странъ товаровъ вполнѣ оплачивается количествомъ вывезенныхъ. Этотъ законъ съ нѣкоторыми еще разъясненіями получаетъ въ его систематическомъ изслѣдованіи названіе закона „уравненія международнаго спроса“. Затѣмъ онъ изслѣдуетъ, насколько выгоденъ этотъ обмѣнъ для обѣихъ сторонъ. Самое важное практическое заключеніе, къ которому Милль приходитъ (заключеніе, однако, далеко не безспорное) въ этомъ опытѣ, сводится къ тому, что уменьшеніе пошлинъ на иностранные товары, взимаемыхъ не для покровительства, а съ фискальной цѣлью, должно совершаться на началахъ взаимности, т. е. поды условіемъ принятія страной, ввозящей свои товары въ Англію, соотвѣтствующей степени свободы торговли. Во второмъ опытѣ— „О вліяніи потребленія на производство“ онъ приходитъ къ

слѣдующимъ наиболѣе интереснымъ выводамъ: 1) что абсентизмъ является мѣстнымъ, но не національнымъ зломъ; 2) что хотя не можетъ быть постояннаго перепроизводства, но что избыточное количество одного или даже всѣхъ товаровъ вообще временно возможно. Этотъ общій избытокъ товаровъ зависитъ, однако, не отъ перепроизводства, а отъ недостатка коммерческаго довѣрія. Въ третьемъ опытѣ Милль разсматриваетъ значеніе словъ „производительный“ и „непроизводительный“ по отношенію къ труду, потребленію и затратамъ. Въ четвертомъ— онъ изучаетъ вопросъ о прибыли и процентѣ и особенно старается разъяснить и доказать положеніе Рикардо, что „прибыль капиталиста зависитъ отъ размѣровъ заработной платы, что она падаетъ съ увеличеніемъ платы и возрастаетъ съ ея паденіемъ“. Рикардо полагалъ, что прибыль зависитъ отъ стоимости заработной платы, оцѣниваемой по труду (или, что то же— отъ стоимости средствъ и продовольствія рабочаго, оцѣниваемой по количеству труда, употребленнаго на ихъ производство). Отсюда улучшеніе въ производствѣ предметовъ, обыкновенно потребляемыхъ рабочими, увеличиваетъ прибыль, не уменьшая реального вознагражденія рабочаго. Задача пятаго и послѣдняго опыта заключается въ опредѣленіи науки и метода политической экономіи; впоследствии Милль болѣе зрѣло и основательно разсмотрѣлъ эти вопросы въ своей „Системѣ Логикі“.

Въ 1848 году Милль издалъ свои „Основанія политической экономіи въ связи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи“ (*). Это заглавіе хотя и подлежитъ какъ мы увидимъ впоследствии, критикѣ, но все же обнаруживаетъ, что авторъ имѣлъ менѣе узкое и формальное пред-

*) Впервые русскій переводъ этого труда появился въ 1860 г., въ приложеніи къ журналу „Современникъ“, при чемъ вторая часть излагалась лишь въ сокращенномъ видѣ. Полное изданіе принадлежитъ А. Н. Пыпину и появилось въ С.-П.Б. 1865 г. (въ 2 томахъ). Прим. Ред.

ставленіе о наукѣ, сравнительно съ его предшественниками. Милль хотѣлъ создать такой трудъ, который могъ бы замѣнить для публики „Богатство народовъ“; это сочиненіе, по его мнѣнію, „уже во многихъ частяхъ устарѣло и вообще несовершенно“.

Адамъ Смита неизмѣнно соединялъ общіе принципы науки съ ихъ практическими приложеніями и, занимаясь вопросомъ объ этихъ послѣднихъ, зачастую принималъ во вниманіе гораздо болѣе широкія соображенія, чѣмъ чисто политико-экономическія. Милль хотѣлъ сдѣлать то же самое, принявъ во вниманіе всѣ полученные въ политической экономіи преемниками Смита результаты; онъ думалъ создать такое ученіе о чисто экономическихъ явленіяхъ, которое находилось бы въ связи съ наиболее прогрессивными воззрѣніями его современниковъ на общественную философію вообще. Другими словами, онъ разсчитывалъ сдѣлать то же для девятнадцатаго вѣка, что Смитъ сдѣлалъ для восемнадцатаго, построивъ свое ученіе въ связи съ философіей этого вѣка*). Это намѣреніе Милля потерпѣло, конечно, неудачу. Его книга—далека отъ того, чтобы быть, такъ сказать, „новымъ Адамомъ Смитомъ“; она является только замѣчательно яснымъ и даже элегантною изложеніемъ ученій Рикардо въ связи съ ученіемъ Мальтуса. Нѣкоторые внесенныя имъ въ науку нововведенія имѣютъ или мало значенія, или даже почти никакого. К. Лесли заходитъ, очевидно, слишкомъ далеко, утверждая, будто Милль настолько измѣнилъ ученія Рикардо, что послѣдній не призналъ бы ихъ своими. Сеніоръ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи гораздо больше. Милль главнымъ образомъ

*) Слѣдуетъ отмѣтить какъ курьезъ, что въ одномъ хорошо выполненномъ сокращеніи труда Милля и изданномъ въ Соединенныхъ Штатахъ для употребленія въ школахъ (эта работа принадлежитъ перу Л. Лоблинъ (F. Laurence Laughlin) и издана въ 1886 г.), все, что „могло бы относиться къ социологін“, было выброшено; такимъ образомъ собственные взгляды Милля были оставлены въ сторонѣ и изъ его труда выкроены такимъ путемъ учебникъ, подходящий вполне къ общему типу.

стремился къ тому, чтобы защитить своего учителя Рикардо отъ нападковъ и смятчить признанные недостатки его изложенія. Глубокое уваженіе Милля къ заслугамъ Рикардо въ политической экономіи сказалось уже и въ его „опытахъ“, гдѣ онъ, обнаруживая нѣкоторую несправедливость къ Смиту, говорилъ, что „такъ какъ Рикардо предстояло создать науку“, то „онъ могъ заниматься только руководящими ея принципами“. Онъ прибавляетъ затѣмъ, что „всякій, кто глубоко вдумается въ произведенныя этимъ писателемъ открытія, не встрѣтитъ ни малѣйшихъ трудностей въ разработкѣ даже мелочей науки“. Джемсъ Милль былъ простымъ истолкователемъ Рикардо; его сынъ Д. Стюартъ Милль, обладавшій, правда, по сравненію съ отцомъ, значительно болѣшимъ даромъ изложенія, остался на той же точкѣ зрѣнія по отношенію къ экономической наукѣ, какъ и отецъ. Но по своимъ общимъ философскимъ воззрѣніямъ и взглядамъ на социальныя задачи и идеалы Милль-отецъ и Милль-сынъ занимаютъ совершенно различныя положенія. Послѣдній, напримѣръ, въ зрѣломъ возрастѣ въ ученіи объ управленіи не могъ впасть въ ту пустую софистику, которой грѣшилъ его отецъ. Какъ извѣстно, было достаточно простого здраваго смысла Макколея, чтобы изобличить эту софистику въ сочиненіяхъ Джемса Милля. Д. С. Милль, кромѣ того, въ высшихъ социальныхъ вопросахъ отличался такимъ благородствомъ чувствованій, которое ставило его гораздо выше обычной грубой утилитарности Бентамистовъ.

Болѣе широкая и философская точка зрѣнія, съ которой Милль-сынъ смотрѣлъ на общественные вопросы, несомнѣнно зависѣла отъ вліянія Огюста Конта. Этому писателю, какъ справедливо замѣчаетъ Бэнъ, онъ былъ обязанъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько онъ самъ думалъ. Если бы Д. С. Милль еще полнѣе проникся этимъ вліяніемъ, мы могли бы ожидать, что онъ произведетъ, или, лучше сказать, довершитъ реформу въ экономической наукѣ, освободивъ ее отъ апіористиче-

скаго направлення и создавъ настоящую теорію промышленной жизни на почвѣ наблюденія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. *) Но, съ одной стороны, для выполненія такой задачи время еще не созрѣло; съ другой стороны, весьма возможно, что по своимъ природнымъ умственнымъ недостаткамъ Милль не былъ способенъ къ такой работѣ. Рошеръ вполне справедливо сказалъ о Миллѣ: „ein historischer Kopf war er nicht.“ Быть-можетъ воздѣйствія первоначальнаго воспитанія, которыя были частью позитивнаго, частью метафизическаго характера, послужили достаточной причиной тому, что онъ не могъ никогда смотрѣть на явленія со вполне нормальной точки зрѣнія. Онъ не былъ въ силахъ всецѣло отдѣлаться отъ того ложнаго направлення, которое онъ получилъ благодаря воспитанію отца, и отъ вліянія той группы Бенгамитовъ, среди которой онъ выросъ. Отсюда происходило то, что, по мѣткому выраженію Рошера, все его воззрѣнія на жизнь были „zu wenig aus einem Gusse“. Ни съ чѣмъ несообразное смѣшеніе узкихъ положеній, воспринятыхъ въ юношескомъ возрастѣ, съ болѣе широкими идеями, которыя вырабатывались въ теченіе позднѣйшаго періода жизни, придадо шаткій и неопредѣленный характеръ всей его философской системѣ. Д. С. Милль во всѣхъ отношеніяхъ писатель въ высшей степени—„незаконченный“, въ немъ обнаруживается стремленіе къ новому направленію идей, онъ открываетъ новыя перспективы въ различныхъ областяхъ мышленія, но въ то же время едва ли является основателемъ чего-нибудь опредѣленнаго и остается писателемъ не только несовершеннымъ, но и непослѣдовательнымъ **). Это неопредѣленное положеніе Милля придаетъ особый характеръ его научной карьерѣ, ибо онъ какъ

*) См. о другихъ вліяніяхъ на Милля въ Предисловіи ко II вып. Англ. свобод. торговли. М. 1882, стр. XII и слѣд.

***) Джонъ Морлей изумляется (въ своей статьѣ „Mill on Religion“ въ его Critical Miscellanies, 2 изд. 1877 г.), замѣтивъ въ посмертныхъ трудахъ Милля такія воззрѣнія, которыя идутъ вполне въ разрѣзъ съ философскими ученіями, энергично проповѣдывавшимися имъ въ теченіе всей его жизни.

бы подготовилъ и облегчилъ намъ переходъ къ новымъ воззрѣніямъ. Самъ Милль считалъ „главной заслугой своего изслѣдованія рѣзкое различіе, проведенное имъ между теоріей производства и распредѣленія“; законы производства, по его мнѣнію, покоятся на неизмѣнныхъ естественныхъ основаніяхъ, тогда какъ порядокъ распредѣленія преобразуется, отъ времени до времени, въ зависимости отъ измѣненія общественныхъ учреждений“. Нельзя, однако настаивать на абсолютномъ значеніи этого положенія, ибо самая организція производства измѣняется въ связи съ общественнымъ прогрессомъ, а также, какъ давно уже указывалъ Лодердэль, организція распредѣленія оказываетъ воздѣйствіе и на организцію производства. Но есть и существенная истина въ этомъ различіи, и признаніе его невольно обращаетъ наше вниманіе на вопросъ, какимъ образомъ мы можемъ улучшить существующее распредѣленіе богатства? Занимаясь изученіемъ этого вопроса, Милль, по мѣрѣ того, какъ онъ старѣлъ, все болѣе и болѣе склонился къ социализму, и, несмотря на то, что книга его, потерпѣвшая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ измѣненія, продолжала до самаго конца его жизни выводить ученія Рикардо изъ принциповъ разумнаго эгоизма, самъ авторъ ея уже заглядывалъ впередъ и мыслилъ о другомъ порядкѣ вещей, при которомъ сотрудничество (synergy) основывалось бы на симпатіи.

Въ своей „Автобіографіи“ Милль повѣствуетъ намъ о порядкѣ постепеннаго видоизмѣненія его воззрѣній на экономическую организцію общества. „Въ болѣе молодые годы,“ говоритъ онъ здѣсь, „я врядъ ли смотрѣлъ много иначе, чѣмъ старая школа (обратите вниманіе на это важное названіе) политической экономіи—на вопросъ о возможности фундаментальныхъ улучшеній въ общественной организціи. Частная собственность, въ современномъ пониманіи этого термина, и право наследованія казались мнѣ „dernier mot“ законодательства.“ Представленіе о возможности произвести какое-нибудь

радикальное улучшение въ распредѣленіи, которое основывалось на томъ, будто „лишь нѣкоторые рождены быть богатыми, а большинство всего населенія рождено для бѣдности“, онъ долго считалъ простой химерой. Но теперь, т.-е. въ концѣ жизни, его воззрѣнія настолько измѣнились, что его можно причислить къ людямъ, носящимъ названіе „соціалистовъ“. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что современная организація экономической жизни имѣетъ только временный и преходящій характеръ и что придетъ время, когда „раздѣленіе продукта труда, вмѣсто того, чтобы зависѣть, какъ въ настоящее время, отъ случайности рожденія, будетъ производиться въ полномъ согласіи со вновь выработанными основаніями справедливости“. „Соціальная проблема будущаго“ состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, „какъ, соединить величайшую свободу личности“, которая такъ часто подвергалась нарушенію въ различныхъ соціалистическихъ схемахъ, „съ общей собственностью на продукты земли и съ равнымъ участіемъ въ благахъ соединеннаго труда“. Эти идеи, говоритъ онъ, были едва выражены въ первомъ изданіи „Основаній“, болѣе ясно и полно во второмъ и, наконецъ, совершенно опредѣленно въ третьемъ изданіи, послѣ того, какъ французская революція 1848 года подготовила общество къ воспріятію новыхъ идей.

Хотя такимъ образомъ у него уже сложилось представленіе о новомъ экономическомъ порядкѣ, но онъ полагаетъ, что до осуществленія идеала очень далеко; онъ убѣжденъ, что побужденія частнаго интереса еще неизбѣжно необходимы для настоящаго времени *). Въ области вѣрованій онъ занимаетъ такое же положеніе выжиданія. Онъ предвидитъ, что теизмъ долженъ исчезнуть и замѣниться настоящей религіей человечества, но въ то же время признаетъ, что существующее религіозное ученіе будетъ еще долгое время необходимо, какъ стимулъ и орудіе контроля человѣческихъ дѣйствій. Такимъ

*) Ср. его „*Chapters on Socialism*“ въ „*Fortnightly Review*“ 1879 г.

образомъ онъ разрушаетъ существующія религіозныя ученія, не замѣняя ихъ ничѣмъ другимъ, и рассчитываетъ сохранить на долгое время то, что онъ самъ радикально дискредитировалъ. Даже съя сѣмена соціалистической организаціи, Милль съ симпатіей относится къ тѣмъ современнымъ или ближайшимъ системамъ, которыя стремятся направить промышленный міръ къ другимъ исходамъ. Система частной крестьянской собственности, несомнѣнно, индивидуалистична по своему характеру; онъ между тѣмъ преувеличенно расхваливаетъ ее въ первыхъ частяхъ своей книги, отступая отъ этихъ похвалъ только тогда, когда приступаетъ къ разрѣшенію вопроса о будущемъ рабочихъ классовъ. Свободная производительная кооперація, къ которой онъ относится съ такой теплотой въ послѣднемъ изданіи своей книги (это побудило, между прочимъ, нѣкоторыхъ изъ его сторонниковъ проповѣдывать эту систему, какъ нѣчто существенно необходимое), неизбѣжно привела бы къ усилению принципа личной собственности и хотя система эта стремится замѣнить соперничество личностей соперничествомъ ассоціацій, но совершенно уничтожить соперничество перваго вида она не въ состояніи.

Возможность улучшения положенія рабочихъ классовъ онъ связываетъ слишкомъ исключительно съ развитіемъ Мальтузианской этики; онъ придаетъ огромное значеніе ученію Мальтуса, хотя, какъ замѣчаетъ Бэнъ, не легко понять точно воззрѣнія какъ его, такъ и отца его на этотъ вопросъ. У насъ нѣтъ основанія думать, чтобы онъ измѣнилъ свой взглядъ на необходимость ограниченія въ размноженіи населенія; но эти воззрѣнія во всякомъ случаѣ чужды соціалистической идеѣ, къ которой онъ все болѣе и болѣе склонялся. Въ концѣ концовъ остается невыясненнымъ и мало понятнымъ, какимъ образомъ можетъ осуществиться то, что Мальтусъ называлъ „нравственнымъ воздержаніемъ“, если будетъ устранена индивидуальная отвѣтственность за содержаніе семьи. Это затрудненіе было, конечно, тѣмъ слабымъ пунктомъ,

которое, по собственному признанию Мальтуса, испортило всю систему Годвина.

Нельзя не уважать Милля за его постоянную склонность къ новымъ идеямъ и тотъ энтузіазмъ къ прогрессу, которымъ онъ всегда отличался. Съ этими прекрасными качествами его умственного склада соединился однако извѣстный недостатокъ практическаго чутья, неспособность признать и привыкнуть къ необходимымъ условіямъ человѣческой жизни, и вытекающее вслѣдствіе этого страстное стремленіе къ неоправдываемымъ дѣйствительностію ожиданіямъ. Милль имѣлъ странныя, даже извращенныя понятія о „подчиненности“ женщинъ, о ихъ способностяхъ и правахъ. Онъ старался возбудить среди рабочаго люда духъ возстанія противъ вѣчнаго проклятія жить только на счетъ рабочей платы, не представляя достаточныхъ доказательствъ для возможности измѣненія этого порядка вещей. Въ то же время онъ не доказалъ, что такая судьба (т.е. жизнь изъ-за одной рабочей платы), надлежащимъ образомъ регулированная закономъ и нравственностію, не согласуется съ истиннымъ счастіемъ рабочихъ. Онъ настаиваетъ также на „независимости“ рабочихъ классовъ, которые, по его мнѣнію, должны сами о себѣ заботиться (*farà da se*); такимъ образомъ онъ затемняетъ, если даже не извращаетъ ту истину, что высшіе и богатые классы общества по самому своему положенію обладаютъ значительными социальными силами и должны по справедливости употреблять ихъ на благо всего общества и въ особенности наименѣе счастливыхъ его сочленовъ. Наконецъ, Милль придаетъ совершенно несоотвѣтственное значеніе чисто вѣшнимъ или фантастическимъ средствамъ, съ помощью которыхъ онъ надѣется улучшить существующій экономическій порядокъ, каковы, на примѣръ, ограниченія въ правѣ завѣщанія и конфискація „незаработаннаго своимъ трудомъ избытка“ (*unearned increment*) земельной ренты.

Въ вопросѣ о методѣ онъ точно также измѣнилъ свои

первоначальные взгляды, и до конца литературной дѣятельности эти воззрѣнія не имѣли опредѣленнаго характера. Въ пятomъ своемъ „Опытѣ“ онъ утверждалъ, что методъ а priori единственно возможенъ въ общественныхъ наукахъ и что „методъ а posteriori совершенно недостаточенъ, если мы хотимъ получить сколько-нибудь цѣнныя истины“. Когда же онъ писалъ свою „Логіку“, то узналъ отъ Конта, что методъ а posteriori въ той его формѣ, которой онъ далъ названіе „метода обратно-дедуктивнаго“, былъ единственнымъ методомъ получения истинъ въ общей социологіи; признаніе этого положенія сразу дѣлало его опытъ устарѣлымъ. Но не желая отказаться отъ метода а priori, метода его юношескихъ трудовъ, онъ попытался создать два рода экономическихъ изслѣдованій, изъ которыхъ въ первомъ могъ примѣниться апріорный методъ, въ другомъ же — нѣтъ. Иногда Милль говоритъ о политической экономіи какъ объ одномъ изъ „отдѣловъ общей социологіи“; однако заглавіе, данное имъ своему систематическому изслѣдованію, даетъ поводъ сомнѣваться, что же изъ двухъ: или политическая экономія является частью „соціальной философіи“, или она скорѣе составляетъ нѣчто подготовительное, вспомогательное для изученія этой науки. Такимъ образомъ, какъ съ догматической, такъ и съ логической стороны Милль постоянно колебался между двумя мнѣніями. Несмотря на всѣ свои сомнѣнія и отреченія отъ прежнихъ воззрѣній, онъ даже по методу остался членомъ старой школы и не могъ перейти въ ряды новой исторической школы, которой одной принадлежитъ будущее.

Вопросомъ о методѣ занимался также одинъ изъ способнѣйшихъ учениковъ Милля, *Джонъ Эллиотъ Кернсъ* (*John Elliot Cairnes*, 1824—1875), посвятившій изученію этого предмета особую книгу (*Logical Method of Political Economy*, изд. 1857 г., 2 изд. 1875 г.). Профессоръ Уокеръ высказалъ мнѣніе, что методъ, предлагаемый Кернсомъ, разнится отъ ранѣе предложеннаго Миллемъ и сходенъ, даже почти то-

жественъ съ методомъ германской исторической школы. Безъ сомнѣнія, однако, онъ ошибается. Кернсъ, несмотря на кое-какія колебанія во взглядѣ и на нѣкоторыя, болѣе, впрочемъ, формальныя уступки, придерживается дедуктивнаго метода во всей его силѣ; онъ опредѣленно утверждаетъ, что въ политической экономіи нѣтъ мѣста для индукціи: „экономистъ имѣетъ дѣло съ изученіемъ конечныхъ (ultimate) причинъ; такимъ образомъ онъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ такихъ положеній, для полученія которыхъ естествоиспытатель затрачиваетъ многіе годы трудолюбивыхъ изысканій.“ Отсюда видно, что Кернсъ не былъ очень далекъ отъ точки зрѣнія Сеніора, который находилъ возможнымъ вывести всѣ экономическія истины изъ четырехъ элементарныхъ положеній. Хотя Милль въ своей „Логикѣ“ считаетъ повѣрку (verification) существенной частью доказательства экономическихъ законовъ, Кернсъ тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что „эти законы не являются утверждениями относительно характера или послѣдовательности явленій“ (но что же можно въ такомъ случаѣ назвать научнымъ закономъ?), что „они не могутъ быть опровергнуты ни статистической, ни какой другой документальной очевидностью“. Положеніе, которое ничего не утверждаетъ относительно явленій, не можетъ подлежать повѣркѣ чрезъ сопоставленіе съ явленіями же. Несмотря на нѣкоторыя безспорныя достоинства, книга Кернса является до нѣкоторой степени шагомъ назадъ въ методологію, а потому и можетъ имѣть въ будущемъ только историческій интересъ.

Придерживаясь такихъ взглядовъ на методологическія работы Кернса и Милля, мы должны, однако, признать, что хотя по существу своему онѣ были и неправильны, но оказали огромное отрицательное вліяніе. Онѣ сдвинули старую политическую экономію съ ея традиціоннаго положенія, умили ея чрезвычайныя претензіи, произведя два измѣненія въ общепринятыхъ взглядахъ. Тогда какъ Рикардо, напр.,

никогда не сомнѣвался, что во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ онъ имѣетъ дѣло съ человѣческими существами, какими они въ дѣйствительности являются, оба вышеуказанные писателя доказали, во-первыхъ, что наука экономіи только *ипотетична*. Выводы Рикардо были основаны на несоотвѣтствующихъ дѣйствительности или по крайней мѣрѣ одностороннихъ утвержденіяхъ, изъ которыхъ самое важное было предположеніе о существованіи такъ называемаго „экономическаго человѣка“, существа, дѣйствія котораго опредѣляются только двумя мотивами: съ одной стороны—желаніемъ достигнуть богатства, а съ другой—избѣгнуть по возможности чрезмѣрнаго труда; поэтому выводы, вытекающіе изъ такого предположенія, могутъ быть примѣняемы къ практикѣ лишь поскольку они соотвѣтствуютъ фактамъ жизни. Сеніоръ тщетно протестовалъ противъ такихъ воззрѣній, которыя, по его словамъ, компрометировали общественное значеніе науки. Торренсъ, вначалѣ боравшійся съ доктринами Рикардо, привѣтствовалъ вновь создаваемое Миллемъ пониманіе политической экономіи, ибо оно давало ему возможность, не принимая нѣкоторыя изъ положеній этихъ ученій, вполне согласиться съ другими. Во-вторыхъ часто указывалось, что кромѣ экономической науки есть еще экономическое искусство; первая стремится открыть законы хозяйственныхъ явленій, второе — указать цѣлесообразнѣйшій образъ дѣйствій при преслѣдованіи хозяйственныхъ интересовъ. Многіе полагали, что стоитъ открыть законы хозяйственныхъ явленій, чтобы въ то же время уже владѣть и экономическимъ искусствомъ; надо только обратить теоремы въ правила—и дѣло сдѣлано. Милль и Кернсъ ясно доказали, что съ подобными положеніями согласиться нельзя, что дѣятельность въ экономической, такъ же, какъ и во всякой другой области жизни, не можетъ регулироваться соображеніями, почерпнутыми изъ одной сферы явленій; что хозяйственная теорія даетъ намъ цѣлый рядъ идей, которыя